

ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ
РЕКОМЕНДУЕТ

ЛОРА
БЕЛОИВАН

Чемоданный роман

Лора Белоиван

Чемоданный роман

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3027975
Чемоданный роман / Лора Белоиван.: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55398-3

Аннотация

«Город моей мечты из него свалить.

Если вы не знаете, где это, я вам расскажу и покажу пальцем на карте. Видите, вот здесь, вот он. Ниже. Правее. Еще правее и еще ниже. Видите, фига? Это и есть небольшой турецкий городишко В., расположенный в самом нижнем правом углу геополитической карты Российской Федерации.

Здесь вообще всё по-турецки и сплошной обман: даже Новый год наступает не в полночь, как, например, в Мск или Спб, а на семь часов раньше. Говорят, все дело в расстояниях, но какой дурак поверит, что время от праздника до праздника измеряется километрами. Однако город В., не поддающийся уму, можно попробовать осознать аршином: действительно, он настолько далек, что до его жителей не всегда доходят письма, отправленные ими самим себе по электронной почте».

Содержание

Два слова о Лоре Белоиван	4
Чемоданный роман	6
1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лора Белоиван

Чемоданный роман

Два слова о Лоре Белоиван

Внимательные люди давно уже заметили, что сны накапливаются в подушке. Неважно, пуховая она или синтетическая. Если вы долго спите на одной и той же подушке, то каким-то образом оставляете на ней отпечаток своей сонной деятельности: ваши тайные тревоги, тайные мечты, тайные фантазии, – именно ваши личные, а не общечеловеческие – наслаиваются и пропитывают подушку.

Наволочку можно другую надеть, это ничего не меняет. Сны лежат глубже.

Я сама с этим феноменом столкнулась совершенно случайно. Так вышло, что я поменялась подушками с сестрой, и вот она, проснувшись, рассказывает: какой странный сон я видела, в нем было то-то и то-то, так-то и так-то. Она рассказывает, а я понимаю: эй, это моё! Это мой сон! Этот сюжет вот с какими людьми связан!

Сестра знать не знала про важные события моей личной жизни, но через подушку (пуховая, маленькая, прямоугольная, в наволочке винного цвета) проникла в эту жизнь и даже поучаствовала в ней. Пролезла, что называется, фуксом. Проехала по чужому билету. Ладно, сестре можно.

Но потом то же самое случилось с моей подругой: она прилегла подремать на моей кровати и сочла нужным доложить про приснившийся ей сюжет, в котором я с возмущением и опаской опознала, пусть и в искаженном дедушкой Фрейдом виде, некоторые свои темные делишки; Штирлиц насторожился.

Сны бывают не для посторонних глаз, хотя бы ничего такого предосудительного в них и не было. Квартирный вопрос, например. Кто, скажите, не удручен квартирным вопросом? Даже Лев Толстой в «Смерти Ивана Ильича» замечает, что сколько бы комнат в квартире ни было, а все-таки всегда одной не хватает. Что уж говорить о наших маломерках с кухней в шесть метров. Но меня смутило бы, если бы сторонний человек подсмотрел, какие фантазии на тему квадратного метража горюдит мое подсознание. Не только в размере желаемого дело, но также и в конструкции, в маленьких постыдных деталях; я уж не говорю о том, каким позором заканчиваются эти «исполнения желаний»: возжеленная квартира о восьми комнатах – ура, вся моя, мебель в ней – сплошь ампир, вид из окна – Старая Прага, о'кей, но только одно условие: кухня в этой квартире проходная, и на полотах, прямо над плитой и мраморным прилавком, будет жить (на матрасах) семья кашляющих нищих с парализованным, неясного пола, бабо-дедушкой или дедо-бабушкой в темных нестираных отрепьях; семья глухо враждебна, торгует, по всей очевидности, краденым, и кутули с этим краденым ей необходимо вносить и выносить по ночам. Когда я с семьей мирно сплю, раскинувшись в своих ампирах.

Ну или снятся, например, что мы с Авдотьей Смирновой крадемся в синих итальянских сумерках, таясь от людей, и выходим на маленькую площадь, на которой стоит конная статуя Путина, облитая голубым светом полной луны. Мы собираемся эту статую взорвать, и поэтому у нас в школьных ранцах тротил. Но мы отвлекаемся на пиццерию по соседству, там вся пицца, что с пепперонями, что без пеппероней, стоит 13.75. Рублей, понятно. Потому что Италия находится в России, и единственный, с кем бы хотелось это обстоятельно обсудить, это Гоголь Николай Васильевич (да только, боюсь, ему это будет неинтересно, и вообще он, говорят, умер); а больше, пожалуй что, инее кем.

Но вот с кем бы я с легкой душой поменялась подушками – это с Лорой Белоиван, автором «Чемоданного романа» и многих других прекрасных произведений – рассказов, а также картин, записей в Живом Журнале и снов. Не знаю, почему; наверно, дело в доверии, которое испытываешь к тому, как у Лоры реальность превращается в литературу, литература в сны, сны – в реальность, – ну или можно переставить эти понятия в любом порядке. Пример? – пожалуйста.

Вот Лора пишет в своем ЖЖ, как в поселке, где она живет уже много лет, внезапно обнаружилась дорога, о которой Лора не подозревала: не должно было быть там никакой дороги, а вон же она, и Лора теперь пробирается на нее и ездит по ней туда-сюда на своем велосипеде. Ясное дело, это сюжет сна; я сто раз обнаруживала в своих сновиденческих квартирах новую дверь в стене, а за дверью – «забытые» комнаты, – о счастье! о сердцебиение! Так что прочитав про эту тайную дорогу, ведущую к морю, я немедленно помчалась спать, словно купила хороший билет на просмотр, – партер, двенадцатый ряд, середина; и точно, явился мне роскошный сон, в котором хорошо мне известная сухопутная дачная местность изрезалась заливами и обогатилась морем, а на море причалы, а у причалов пароходы, и мне надо поспеть на один из них, отплывающий в дальние страны. И еду я на причал на особой такой коляске, которая называется «морская инвалидная». Удобная вещь: она довольно ловко переваливает через корни сосен, все время перегораживающие путь к морю. Не застревает. Хотя одной ногой надо отталкиваться. И через мелкую воду чудно переправляется. А море это – из Лориного романа, оно серое и восточное, с пароходами, ветром, людьми. (Мое-то собственное море не такое, мое – зеленое, крымское, пустынное, с тоской.)

Или когда я читаю у Лоры в романе про Дом... лучше я не буду говорить, что я чувствую, чтобы не рыдать на публике; но ночью мне гарантированно приснится Дом Детства, или Дом в Далекой Стране, или Забытый Дом, или Обещанный Дом, или Дом, где Все Снова Живы, или Дом Счастья на Горе, или еще какой дом из колоды; и после такого сна снова простишь человечеству все его несовершенства.

Вот я в своем сне вижу Лорино море и принимаю его, оно мое, нет мне от него вреда. Вот я вижу Дом, и согласна жить дальше, согласна на вечность, запишите меня. Вот я читаю, как смешно Лора описывает смешное, и хохочу вслух, так что из соседней комнаты приходят спросить: ты про что?

Да вот, говорю, хочу тут кое с кем подушками поменяться!

Татьяна Толстая

Чемоданный роман (делает худ. ред.)

Раннее утро 2 января. Осторожно, маленькими глотками я заливаю в голову свежесваренный кофе и чувствую, как он греет изнутри мое больное правое ухо.

Новый год прошел, оставив мне стрельбу в ухо и необходимость срочно заполнить резюме.

Резюме – это так, формальность, с которой я не успела покончить в прошлом году. Все уже решено. Скоро меня здесь не будет. Я давно знаю, где стану работать и где жить. Офис моей работы выходит окнами на Новый Арбат, а будущая квартира находится недалеко от станции метро «Беляево».

Кофе – хороший самец. Ласковый. Люблю.

Если бы ухо не болело, было бы совсем отлично.

Я прикладываюсь больным ухом к теплой кофейной чашке и делаю вид, что оно не болит.

1

В тот день из левого зеркала моей души выпала линза и уплыла увеличивать городскую канализацию: нечего распускать сопли прямо на улице. Было дождливо и ветрено, свет от не заснувших еще окон отражался в лужах неправильными квадратами, а звуки расплывались и смешивались с водой. Я опустила на корточки и, подсвечивая себе зажигалкой, стала гладить лужу, надеясь, что линза плавает на поверхности и я ее нащупаю. Зажигалка гасла от ветра и дождя, и, конечно, если бы не первый этаж, я бы ничего не услышала, а если б не линза, вообще бы черта с два оставалась в такую погоду на улице.

Они разговаривали на своем языке, но было понятно, что говорили о любви. В их распахнутом окне уже не горел свет: любовь стыдлива и не кичится своим присутствием.

- Ты это... заткни язык на лопату, – сказал Он.
- Почему это я должна молчать? – сказала Она.
- Да и хуй с тобой. Пизди сколько влезет.
- У меня душа болит на тебя смотреть молча.
- Дак сказал же – пизди. Только тихо, я спать начал.
- Сволочь ты. Сволочь. Все уже знают, какая ты сволочь.
- ...
- Носки воняют у тебя...
- Серёжа...
- ...
- Эй...
- ...
- Хммм!!!
- Ну чего тебе? Дай спать.
- Ну и спи, пидораса кусок.

Слушая тот диалог в окне первого этажа, я вдруг почувствовала, как становятся горячими кончики пальцев, как жар от них взбегает вверх, к сгибам локтей и дальше, к подмышкам, как растекается по ключицам и лопаткам, как заполняет собой поры, капилляры и вены, как перехватывает дыхание и – лишает земного притяжения. Я инстинктивно расправила руки и тут же поднялась над крышами Эгершельда, подальше от ужасной любви.

Первое время летала повсюду без линз, а когда наконец их купила, то надела прямо в магазине. И тут же увидела, что на улицах города В. ужасный срач. В квартире выяснилось, что срач не только на улицах. Стало понятно, почему в оптике висело громадное, на полстены, объявление: «ЛИНЗЫ НАЗАД НЕ ПРИНИМАЕМ».

Веничка Ерофеев жаловался, что не умеет кривить морду справа налево. Значит ли это, что я пойду дальше Венички, если про свою морду выяснила то же самое еще в девятом классе? Если да, то хорошо, а то летать-то – одно дело, но ты вот попробуй морду влево скриви. В первый же день я больно ударила ее о фонарный столб, так что временно не могла кривить ни в одну сторону.

Нет, я все наврала.

В тот день, когда я научилась летать, была обычная для города В. мерзкая погода. Хлестал горизонтальный дождь, рванина грязных облаков мчалась из Суйфэньхэ на Хоккайдо, ветер выворачивал наизнанку зонты, задира л плащи и платья дам на глазах у джентльменов, вокруг пешеходов падали деревья, рушились дома и летали мокрые собаки, и вот им-то,

собакам, было по-настоящему на все наплевать: они совершенно не сопротивлялись обстоятельствам, и обстоятельства были к ним вполне гуманны. А о том, что сверху гораздо лучше видно, и говорить не приходится.

Я посмотрела на собак, потом на людей с вывернутыми зонтами и лицами, потом опять на собак, а потом расправила руки и неожиданно легко взлетела над крышами Адмирал-фокин-street, даже не обратив внимания, что из моих карманов сыплется последняя мелочь и розовая зажигалка «Cricket». Лавируя меж проводов высоковольтных линий электропередачи, я заплакала от радости полета, и слезы вымыли из моего левого глаза линзу.

А потом набрала высоту и сделала первый разворот над историческим центром города В.

Города моей мечты из него свалить.

Если вы не знаете, где это, я вам расскажу и покажу пальцем на карте. Видите, вот здесь, вот он. Ниже. Правее. Еще правее и еще ниже. Видите, фига? Это и есть небольшой турецкий городишко В., расположенный в самом нижнем правом углу геополитической карты Российской Федерации.

Юго-западное побережье населенного пункта глядит на пролив Босфор Восточный, а бухта Золотой Рог рассекает город на две неравноправные части, омывая их своими грязноватыми водами с тыла. В иную зиму бухта промерзает чуть не насквозь, однако это не мешает ей считаться незамерзающей, о чем официально заявляют все навигационные справочники.

Здесь вообще всё по-турецки и сплошной обман: даже Новый год наступает не в полночь, как, например, в Мск или Спб, а на семь часов раньше. Говорят, все дело в расстояниях, но какой дурак поверит, что время от праздника до праздника измеряется километрами. Однако город В., не поддающийся уму, можно попробовать осознать аршином: действительно, он настолько далек, что до его жителей не всегда доходят письма, отправленные ими самим себе по электронной почте.

Из достопримечательностей Города-на-Бос-форе следует упомянуть его похожесть на Сан-Франциско. Между нами говоря, ничего общего между этими муниципальными образованияами нет, но в городе В. привыкли думать, что есть. Американцы не возражают – как, собственно говоря, и турки. Существует научная версия, почему турки до сих пор не предъявили городу В. судебный иск за плагиат, ведь названия тутошних проливов и заливов были свистнуты у них русскими моряками, основавшими форт в правом нижнем углу. Поговаривают, что на самом деле моряки были турецкими, и форт они строили здесь в качестве своего запасного аэродрома, чтобы ближе было продавать китайцам кожаные куртки. За последние 145 лет в Китае накопилось столько турецких курток, что Поднебесная начала сбывать их в город В. Куртки охотно покупают местные жители, даже не подозревая, что русская народная песня «Не нужен мне берег турецкий» посвящена именно их берегу.

Однако все это мелочи по сравнению с замечательной культурной историей города В. Взять хотя бы тот факт, что здесь родились почти все выдающиеся русские писатели: Пушкин, Толстой, Чехов и даже Станюкович. Ну пусть и не родились, а умерли; особенно Мандельштам. Осип Эмильевич погиб в здешней пересыльной тюрьме, чем город на берегу Турецкого океана невыносимо гордится. Однако, в отличие от Пушкина, Чехова и Толстого со Станюковичем, в городе В. нет улицы его имени, но есть памятник работы местного скульптора. Памятник то и дело оскверняли вандалы, так что Мандельштама снова пришлось посадить под замок. Милиционеры говорили, что это дети балуются; если это правда, то детям можно, можно и еще раз можно отрывать руки. Только вряд ли это дети. Дети – они хорошие и доверчивые. Тем более – в городе В., где их обманывают даже библиотекари.

Любимый праздник местных библиотекарей (здесь есть библиотеки) – тематический вечер под названием «Чехов в городе В.». Школьникам рассказывают, что знаменитый

супруг Книппер-Чеховой останавливался в здешних мебелишках по дороге на Сахалин. Поскольку данное событие произошло задолго до учреждения Севвостлага, приезд Чехова – врака чистой воды: из всех русских писателей лишь Владимир Арсеньев бывал в здешних краях добровольно, да и то лишь потому, что желал обеспечить достойную старость герою своего романа «Дерсу Узала».

Арсеньев слыл культурным человеком: после своей смерти он оставил краеведческий музей имени себя. А вот в 30-е годы 20-го века городу В. временно перестало везти с культурой: например, в Магадан интеллигенцию свозили целыми трюмами, в то время как город В. приличные люди посещали исключительно транзитом, делая пересадку из вагонов-скотовозов в пассажирские трюма пятого класса. Так что с Мандельштамом, который не дождался навигации на Колыму, городу В. действительно выпала козырная карта. Могила Осипа вам покажут с точностью до шести-семи квадратных километров.

А моей могилы здесь не будет.

В Мск, в Мск.

Как много в этом.

Быстро выяснилось, что руки совсем необязательно отключивать назад, как это делают многие птицы. Чтобы легко маневрировать, достаточно просто распрямить и напрячь кисти.

Тем временем на город В. наступил его обычный июнь с температурой плюс десять и штормовыми ветрами. Продавщица в гастрономе сказала: «Все, лета не будет». Почему это? «Потому что мыши в магазин повалили, – объяснила она, – толпами. Толпами». Ужаснувшись, я забыла взять сдачу и купленную пачку сигарет. Вернулась с половины дороги за деньгами и сигаретами, и домой в итоге добралась совершенно мокрая и продрогшая – в городе В. зонты невозможны так же, как панамы на станции Кренкеля. «Дулю вам, продавщица, – думала я, – лето не просто будет: оно не кончится. Во всяком случае, пока здесь я».

Крен на левое крыло, мигает левый поворотник, под хвостом Зуб Мудрости – высотка краевой администрации. Говорят, здание стоит как раз над тектоническим разломом – случись что, провалится прямо в ад, где уже много таких зданий, ведь черти сами ничего не строят, а пользуются готовеньким; мало того – гораздо ближе, чем ад, под фундаментом Зуба Мудрости расположено подземное сточное озеро, Историческая Канализация города В., тонны выдержанного временем дерьма, не успевшего, впрочем, превратиться в полезное ископаемое.

Прямо по клюву – краеведческий музей имени Арсеньева, где когда-то работала художником Ласточкина. В ее обязанности входило рисовать текстовые таблички для новых экспозиций, а потом ей надоело, и она вернулась в пароходство. В музее живут поеденные молью трупы местных животных-эндемиков. Замершие в заданных таксидермистом позах, амурский тигр и дальневосточный леопард делают вид, что не замечают маленькую антилопу-кабаргу. Эта композиция сильно напоминает иллюстрацию с обложки «Сторожевой башни», утверждающей, что в Стране, Где Нет Места Печали, волк и агнец будут утолять жажду из одного ручья.

У Ласточкиной имелся замечательный бронзовый колокол. Она украла его с бывшего турецкого парохода. Еще, говорила она, там остался очень красивый ларь для муки: дубовый с медными ручками и оковкой. Мы с ней долго думали, как бы спереть и его тоже, да так и не придумали.

К Ласточкиной я летала вместе с Банценом, чтоб не страшно было назад. Банцен в гостях ел зельц на белом ковре. И колокол я у Ласточкиной все-таки выпросила на время. «Зачем тебе, – говорю, – колокол, Ласточкина? Ты же в рейс уходишь. Вот вернешься через

два месяца, я его тебе отдам». Ласточкина согласилась. Ведь это действительно глупость: держать в пустой квартире вещь, которой нужно пользоваться каждый день.

И когда мы возвращались домой в четыре ночи, колокол гудел у меня в рюкзаке на весь мыс Эгершельд. И летела я медленно и печально, как бубонная чума.

Банцен смеялся в голос.

Хотя все понимал.

Я тоже всегда понимала его с полуслова и даже с полувзгляда. Ему не приходится повторять мне чего-то дважды. Ему ужасно повезло со мной, потому что я попалась очень сообразительная. Стоит ему посмотреть на дверь, как я встаю, прицеливаюсь карабином к его ошейнику и послушно вылетаю на высерки. Там мы обычно проводим час, если ночь, или два, если день. Иногда бывает больше, иногда меньше, когда, например, жара.

Иногда мы гуляем пешком. Я люблю море, а Банцен не любит, поэтому мы либо летаем над, либо ходим вдоль, не залезая внутрь. Вдоль моря валяется много интересных вещей:дохлая морская капуста и бутылки с записками или без. Банцен все это нюхает и делает выводы. Иногда нам встречаются разные друзья со своими друзьями. Чем крупнее друг, тем меньше вероятность, что я подружусь с его другом. Банцен придерживался такой точки зрения, что всех крупных друзей надо истребить, чтобы остаться единственным в мире крупным другом. Единственный вопрос, в котором мы с ним немного расходимся во взглядах. И хотя Банцен не трогает женских собак, а трогает только мужских, я на всякий случай опасаюсь за любых. Поэтому моими фаворитами были и остаются ночные высерки, когда все суки попрятались в окнах отдельных квартир. И Банцен не менее охотно, чем в день, выводит меня в ночь.

А по утрам он ест овсянку. От классического порриджа моя овсянка отличается тем, что готовлю я ее с огромной любовью, вбивая в кашу два сваренных всмятку яйца и толстую каплю рыбьего жира. Каша пахнет так вкусно, что мне завидно, но я не посягаю, потому что все лучшее – тому, кто считает меня лучшим другом, два раза в день выводит летать, учит угадывать мысли с полувзгляда и любит жизнь просто за то, что в ней есть я.

А у меня, кроме Банцена и предотъездных забот, есть крылья, хвост и до черта всякой фигни, с которой жаль расставаться. Вот, к примеру, я совершенно не понимаю, как расстаться с одной своей мечтой, но взять с собой в Мск ее не смогу, потому что она привязана к здешнему кладбищу на 14-м километре. Выглядит она так. Вечером иду я через кладбище на 14-м и вижу подъезжающую машину, а из машины выходят три мужчины в пиджаках и с чемоданом. Меня они пока не замечают, а я сильно опасаюсь, спрыгиваю в незаполненную покойником яму и затаиваюсь на дне. По глинистым стенам сочится вода, на дне обрывки травы и газета, в которую уже что-то заворачивали, по бокам – белые корни, похожие на остатки человеческих останков, а я сижу и слышу, как эти, в пиджаках, проходят совсем близко, останавливаются в трех шагах и начинают шурудить. Я слышу фразу: «Помоги, блядь, тяжелая», – и звук металла о металл. Мне очень страшно, мне страшно прямо до обморока, потому что если они меня обнаружат, то, конечно, мне пиздец. И в могиле сидеть мне тоже неприятно, но что поделаешь – такая у меня мечта.

А потом я снова слышу металл о металл, и они уходят. Так быстро, что я даже не успеваю с ужасом представить, как кто-нибудь из них останавливается и ссыт в могилу, где я сижу. Потом звук двигателя – негромко, хорошая машина какая-то, но ни в одном сеансе своей мечты я не успеваю опознать модель, знаю только, что машина тихая и темная. Они уезжают, а я еще сижу в могиле сколько-то времени, потом выбираюсь наружу – вся в глине, но, слава богу, не обоссанная, и сразу иду к той оградке, где они шурудили. А уже совсем темно, я толком ни хрена не вижу, и эта штука правда тяжелая, но я надуваюсь так, что чуть

не лопаюсь, и де-лаю-таки металлом о металл, и штука сдвигается, а под ней обнаруживается чемодан. Я его, конечно, тут же открываю и нащупываю два пистолета – они сверху; а дальше – деньги в пачках. Целый чемодан денег; очень хорошо.

А потом я прусь с этим чемоданом вниз, к трассе и два раза падаю, потому что скользко – не знаю точно, дождь, что ли, прошел до этого. И понимаю, что с чемоданом я привлеку внимание и вызову подозрения, поэтому залезаю в кювет и начинаю распахивать пачки в трусы, под майку, и в куртке еще у меня такие карманы – если вдруг понадобится когда лететь через кладбище вечером, обязательно полечу в этой куртке – очень вместительные карманы. Денег в них влезло много, но не влезло тоже много. Как их бросить. Но тут, слава богу, я нахожу в канаве расколотый арбуз и выгребаю из него мякоть, и набиваю полый остов деньгами, но еще две пачки в руке, я не знаю уже, куда их деть, так и иду, с арбузом и двумя пачками денег в руках. А чемодан с пистолетами остался в кювете, потому что пистолеты мне не нужны, а чемодан, хоть и прекрасен он во всех отношениях, но как я понесу его – он такой приметный; нельзя.

Домой прихожу к утру, ведь я иду пешком по берегу моря, а не по шоссе, потому что баба, бредущая ночью с арбузом по федеральной трассе – это просто кошмар какой сюр, хотя, конечно, баба, бредущая ночью с арбузом вдоль моря – тоже не слишком реально, но выбор у меня небольшой, ведь тачку поймать я не могу, меня же запомнят, с арбузом, растопыренными карманами и двумя пачками хороших денег в руке. Но я всегда благополучно прихожу домой и начинаю считать, на сколько ограбила бандитов, прямо в коридоре вытаскиваю из трусов и из-под майки пачки, потом из карманов куртки, потом сажусь на пол, и тут моя мечта всякий раз покидает меня, потому что я до сих пор не смогла решить, сколько денег мне надо, чтобы перестать о них думать, и соответствует ли это количество объему задрипанного чемодана с доисторическими медными углами, который я, обменяв в канаве на расколотый арбуз, бросила валяться у кладбищенской ограды на 14-м километре, хотя, кажется, все это происходит в районе остановки «Перевал»: кладбище долго тянется вдоль трассы, и я иногда боюсь, что не смогу найти то место, где мне чуть не нассали на голову, но где мне опять, как обычно, невероятно повезло.

Однажды, возвращаясь с дождливых июньских высерок, мы с Банценом встретили бомжиху. Она несла в руках новенькую швейную машинку.

– Извините, сегодня воскресенье или понедельник? – спросила она у Банцена.

– Воскресенье, – ответила я.

– Но вечер уже, да? – уточнила она, все также обращаясь к собаке.

– Да, – сказала я, – часов девять.

– Лето скоро, – кивнула она моему псу и пошла шить сарафаны и платья из ситца.

В тот день я научилась разворачиваться в воздухе, не размахивая пальцами.

«Три часа, полет нормальный» – это выражение отпечатано практически у всех жителей города В. прямо над клювами. Кто-то скажет, что это о космонавтах, но я буду спорить. Космос отсюда почти так же далеко, как и Мск. И если б космонавты были не фантастикой, говорила моя первая учительница Тамара Владимировна, обязательно бы встретились на небе с Богом, чего, однако, в их взаимно-параллельных воспоминаниях не прослеживается.

Вот внизу улица Светланская, названная так отнюдь не в честь чьей-то первопоселенческой бабы, а в память фрегата «Светлана», на котором и баб-то сроду не было. Светланская пересекается Алеутской, имеющей такое же отношение к алеутам, как Светланская – к Светкам, зато была в истории российского флота шхуна «Алеут», черт его знает как добравшаяся до здешних берегов лет 150 назад.

Параллельно Алеутской скатывается вниз Океанский проспект. Он с разбегу тычется мордой в бессмысленное окаменевшее словосочетание «Памятник борцам за власть сове-

тов». В городе В. уже мало кто помнит, что за советы давали каменные борцы, и кто их слушал, и кто их просил что-нибудь советовать; поэтому данное словосочетание все дополняют и конкретизируют в меру своих представлений о действительности:

«Памятник борцам за власть бесплатных советов»,
«Памятник борцам за власть дурацких ответов»,
«Памятник борцам за власть вредных советов Г. Остера»,
«Памятник борцам за власть полезных советов молодой хозяйке».

Я пролетала над памятником Борцам и с чувством поверхностного удовлетворения гадила на бронзу, даже не оборачиваясь посмотреть, не снес ли морской бриз мое гуано мимо композиции.

Левее памятника – Посьетская-street, на которой расположена гостиница «Моряк», называвшаяся бичхоллом. По правилам орфографии гостиницу следовало бы писать «Бичхолл» или хотя бы «Бичхолл» – но обязательно с заглавной «Б» и судвоением «лл», но бичхол пишется именно так: «бичхол». Ничего с этим не поделаешь, абсолютно ничего.

Теперь-то в бичхоло стали жить китайцы, а раньше жили бичи. В принципе, было удобно – обходишь с другой стороны и попадаешь в отдел кадров плавсостава пароходства, где тебе говорят: «Приходи завтра после обеда». Над бичхоллом на сопке – пушка, стрелявшая ровно в полдень так, что все чайки и голуби в округе начинали синхронно какать налету, а стекла в окнах бичхоло вгибались внутрь.

Дольше всего я жила в 317-м и 410-м номерах. В трехместном (30 коп. в сутки) 317-м кроме меня обитала Света и дочь ее Елена. Света ждала из рейса любимого мужчину Сережу, работавшего вторым помощником на каком-то контейнеровозе. Контейнеровоз был трамповый, и рейс у Сережи затянулся на восемь месяцев, так что Света успела благополучно дорастить последнее воспоминание о возлюбленном до такого состояния, что оно больше не умещалось в ее животе. Девочку называли Леной, а администрация бичхоло пошла на невиданный гуманизм: оставив Свету с дочкой в трехместном номере, больше никого туда не подселяла. Я перешла жить в одноместный и дорогущий (2 р. 10 коп. в сутки) 410-й, а Света купила красную пластмассовую ванночку. Что же касается Сережи, то он разлюбил Свету и полюбил капитана какого-то сейнера – да так сильно, что бросил престижную и где-то даже элитарную судоходную компанию, подавшись из стерильного торгового флота в довольно вонючий рыбодобывающий. Света еще пыталась подманить его на красную пластмассовую ванночку, но вскоре махнула рукой. «Тихо», – вывешивала Света рукописную объяву на внешнюю сторону своей двери, и моряки передвигались по коридору, как босые балерины: «Елена Пидорасовна спит».

А потом я в очередной раз обогнула бичхол, зашла с другой стороны и вышла с направлением на пароход. Говорят, Света еще какое-то время жила в 317-м номере, а куда делась потом, неизвестно. Скорей всего они вместе с дочкой превратились в птиц и улетели из города В. в более счастливую географию.

Когда я впервые пролетала над 33-м причалом, очень странным мне показалось не увидеть сверху «Джоник». Сколько раз ходила мимо пешком, и отсутствие «Джоника» не действовало мне на нервы, а вот с высоты полета – ну надо же. «Джоник» был пассажирским теплоходом «Григорий Орджоникидзе», приспособленным под дополнительную пароходскую гостиницу. Плавучий филиал бичхоло давно продали на гвозди, и на 33-м причале уже тыщу лет пустует святое место. По правилам, человек, умерший на «Джонике», автоматически попадал в рай. Только на «Джонике» никто не умирал. В основном там жили. И я тоже. Два месяца я была бичевкой и не умерла на «Джонике». В кадрах обещали два круга на

«FESCO Indian Line», и я ждала «Елену Стасову». Хотелось орешков кешью, а на «Джонике» как раз потравили тараканов. Полуобморочные тараканы сыпались с подволока и переборок, шмякаясь на стол и на палубу. А мне снился дедов абрикосовый сад в Гулькевичах, и как будто я маленькая, и мама ведет меня за руку меж деревьев, с которых валятся спелые абрикосы, шлёп, шлёп, шлёп, только успевай выглядывать в траве самые крупные, сочные – они лопаются при ударе о землю, и надо опередить муравьев, потому что муравьи тоже не дураки. И я смотрю вверх, пытаюсь угадать, с какой ветки сорвется очередной абрикос, хочу подставить ладони, но абрикосы – два подряд – падают мне на лицо и щекотно стекают за ворот. Я просыпаюсь оттого, что абрикосы воняют ржавым железом и еще чем-то безумно, невыносимо мерзким. Просыпаюсь и стряхиваю с лица, рук и волос агонизирующих тараканов – им-то выпала карма умереть на «Джонике», а конкретно – на мне, сироте казанской 18 лет отроду, в чужом городе и без копейки денег ожидающей рейса на Индию. Я проснулась в каюте плавучего бичёвника «Григорий Орджоникидзе», на котором в тот день раскидали боракс. Проснулась потому, что ревела во сне из-за воняющих мерзостью абрикосов, и проревела еще часа три, из которых примерно полтора даже не противодействовала тараканьей карме умирать там, где им предназначено.

Кажется, «Джоник» продали на гвозди именно в Индию. Странное это место, 33-й причал на Набережной города В. Ни обгадить, ни поцеловать.

Только молча кружить над.

Человек, неоднократно получавший по башке от Сил Небесных (ну или там Высшей Справедливости), должен за такое к себе внимание целовать Небо в жопу, а он бесится, нервничает, не делает выводов и, что самое глупое, не меняет траекторию. Обычно таких называют материалистами, но это не совсем верно: среди них встречаются люди самые разные – математики, писатели, гомосексуалисты, работники кондитерских фабрик, несчастные по жизни и сами не местные, сводни, моряки – в общем, все подряд. Когда упрямство индивида в нехотении видеть подсказок достигает совершенства, Силы Небесные (Высшая Справедливость) выстраивает перед ним коридор с высокими коричневыми стенами, из которого никуда невозможно – только вперед, а там посмотрим.

Есть, например, в Мск два довольно успешных джентльмена; они случайно остались там, приехав на пару дней из города В. Джентльмены прибыли в Мск на японском грузовике с транзитными номерами, в кузове которого стоял еще один грузовик с транзитными номерами, а в его кузове стояла «Toyota Mark II» с транзитными номерами в бардачке. Ехали зимой, потому что летом им пришлось бы ставиться на железнодорожную платформу в районе Читы: были там некоторые проблемы с автомагистралью. У одного перегонщика была свежесломанная нога в гипсе, и его друг, тоже моряк, периодически выносил кореша из грузовика и держал навесу, пока тот, сломанный, не наделает в снег. Денег у них, не считая грузовиков и «Тойоты-Марк-2», было только на еду в один конец и на чуть-чуть пива. Пиво пил тот, которого приходилось держать навесу, потому что тот, который был целый, постоянно рулил. Так они приехали в Мск и начали, доедая последние деньги, продавать грузовики и «Тойоту-Марк-2». Когда прошла неделя после окончания денег, а покупателей все еще не возникло, они поняли, что другого выхода у них нет: только тот, который впереди. Тогда они сняли с первого грузовика все остальное (первый грузовик был с краном и второй тоже с краном но поменьше), приехали на верхней «Тойоте-Марк-2» в газету бесплатных объявлений и написали, что готовы поднять и перевезти что-нибудь тяжелое по желанию клиента.

Уже давно пора было возвращаться в город В. и идти в рейс, уже чирикали летние птички, уже даже нога срослась, но клиентов на перевозку тяжестей в Мск не становилось меньше, а делалось все больше и больше, так что в конце концов стало ясно: нужен еще один грузовик с краном. Но заработанных денег хватало на два, плюс, наконец, проданся

«марк», поэтому купили три. Технику им выслали оставшиеся в городе В. друзья, так что даже лететь никуда не пришлось. У джентльменов, забивших на море, появились наемные рабочие, так как работать вдвоем на пяти кранах им казалось несколько затруднительным.

Эта поучительнейшая история произошла только потому, что ее участникам было не на что пожрать. А пароход, на котором должен был идти в рейс тот, что с целой ногой, утонул; правда, там всех спасли, но Силы Небесные его знают, спасли бы именно его, если бы грузовики удалось продать сразу, или если бы у того, второго, не было гипса и его можно было бы оставить одного распродавать технику, такого идиотски беспомощного и ни на что не годного, кроме как пить пиво и давать дурацкие советы про объявление в бесплатной газете, потому что жрать все равно хочется, хоть и денег нет.

Правда, я тут же могу сказать (а могу и не сказать), что про утонувший пароход все наврала, потому что если б он не утонул, то вообще бы скучота – сплошные Силы Небесные (или Высшая Справедливость); хотя, конечно, если б утонул, то все равно один хрен.

При всей нашей взаимной с ним ненависти, я и город В. никак не могли расстаться. В то время как я и деньги, при всей нашей взаимной с ними любви, никак не можем ужиться. В городе В. мы кончаемся друг у друга мгновенно, стоит лишь нам встретиться. Я всегда знала, что говно и вши снятся к деньгам, и все время ждала – ну когда же? Я колдовала себе сны про говно и вшей – ведь однажды у меня вполне получилось, почему бы опять не? – но взамен, например, приснилось, будто лечу берегом моря далеко-далеко, и вижу, как с неба в воду падает пассажирский самолет, не сумевший толком взлететь. Он упал довольно близко и взорвался при ударе о воду. И я поняла во сне: «Ну да, правильно, самолет же электрический». И приземлилась, и стала ждать, когда что-нибудь выплывет. И выплыл кошелек, толстый и приятный. Я вытащила его из воды, раскрыла и увидела внутри пачку нарезанных из акварельной бумаги денег. На каждой бумажке было написано фиолетовым фломастером: «13.000 рублей». Тут я проснулась и поняла, что утонула в подогретом молоке, потому что жара +30 при влажности 100 % – на такое кроме тропиков способен только город В. Летать было невозможно, зато рано утром, укладываясь спать, я глянула в окно и увидела, что над морем лежит нежно-розовый туман, в разрывах которого плещется чистейший ультрамарин. На фоне ультрамарина, воткнув мачты в розовую дымку, стоял на якорях белый парусный фрегат «Надежда».

Город В. – видимо, спятив – подарил мне открытку.

А днем раньше я проснулась в одиннадцать утра от двух помех: в правый глаз влезло солнце, а в правое ухо – фраза: «Вниманию экипажа! Через десять минут на борт судна прибудут власти».

Боже мой, как мне стало страшно. И как это я не кинулась спросонок искать ключи от буфета? Ведь самый кошмарный мой пост-пароходский сон – вовсе не про смещение груза или пусть там учебную тревогу. Мне снится, будто я накрыла завтрак в кают-компании, а время еще осталось, потому что всего двадцать пять минут восьмого, а завтрак ровно в половину. И вот я прихожу в свою каюту поправить перья – причесаться и все такое. А вернувшись в кают-компанию в 29 минут, обнаруживаю, что на столах нихерашеньки нету. Не только сахарниц-стаканов-тарелок-вилочек, а и даже скатертей с салфетками, а в буфетной не включен титан и чай не заварен. То есть я понимаю во сне, что накрытые столы мне приснились, а я проспала. И я начинаю метаться по кают-компании, искать скатерти, швырять на столы тарелки, а в мозгах стратегический план на ближайшие полминуты: «кипяток с заваркой у дневальной возьму». И вот, когда все накрыто – я успеваю до половины – и входит первый клиент, я обнаруживаю, что забыла одеться и пересекаю по кают-компании без штанов и в какой-то драной футболке. Обычно я просыпаюсь после этого сна с пульсом под 200. И никак не могу понять, что же тут такого страшного – ну подумаешь, получила

бы нагоняй от старпома. Так я по десять раз на дню попадала под его раздачу, ведь у чифа работа такая – строить обслуживающий персонал. Да и завтрак я в реальности ни разу не проспала. Ужин – было дело, а завтрак – никогда. Так что непонятна мне природа моего дежурного кошмара, который так часто провоцируется пароходами, припаркованными под окнами моей квартиры.

А контейнеровоз, на котором ожидалась власти, на моих глазах втянул якорь. Это он накануне ночью гремел цепью, но фиг что получилось разглядеть в окно: такой туман был, что даже топовые огни не просматривались.

Да тут постоянно туман, боже мой. Ветер и туман – летом, ветер и солнце – зимой. Ветер принес в город В. важнейшие из искусств – суси и мураками, да только в туман легче летать, чем ходить. Единственное, надо как следует научиться рассчитывать точку приземления. Это оказалось самым трудным: слушай, сука, песню ветра.

Был сильный ветер, и меня снесло вглубь микрорайона «Моргородок». Для тех, кто никогда не был в городе В., следует пояснить, что Моргородок расположен между Второй и Первой Речками, и если бы я не успела вовремя выпустить шасси, меня бы долбануло клювом об антенну на крыше девятиэтажного кирпичного дома по улице Ульяновской. Здесь, внезапно для себя уволившись из пароходства, я снимала комнату в трехкомнатной квартире. Еще одну комнату, поменьше, занимала студентка меда Ирка. В третьей, похожей на развороченное браконьерами медвежье логово, жила сама квартирная хозяйка Любовь Аркадьевна.

Аркадьевне было лет 55 плюс-минус 15. Иногда она работала санитаркой в роддоме номер шесть: ее оттуда не выгоняли, потому что в начале каждого пике она честно уходила на больничный. По квартире Любовь Аркадьевна рассекала в белой ночнухе со штампом «МИНЗДРАВ СССР» на спине.

Муж Аркадьевны, моторист из пароходства, к тому моменту уже года три как переехал на Морское кладбище, и добропорядочные соседи рассказывали, как Аркадьевна, в жопу косая, проспала вынос гроба, а потом не верила, что ее Борисыча уже закопали. Традиционным задвигом нетрезвой Аркадьевны было часа в два ночи засобирается навестить мужа, и мы с Иркой каждый раз ловили вдову на пороге квартиры, насильно лишали ее верхней одежды и укладывали в берлогу, где она еще минут двадцать горестно материлась, а потом засыпала тихо-тихо.

Однажды она явилась домой с разбитой башкой. Дверь открыла я. Когда из темноты лестничной площадки выступил умирающий сын Ивана Грозного, я упала в обморок. Ирка выбежала на шум и оказала нам медицинскую помощь. Впрочем, я очухалась сама, но еще немного посидела под вешалкой. А потом встала и пошла на звуки. Они доносились из хозяйкиной комнаты. Аркадьевна сидела на трюмо и плакала так, будто недоразумение с переездом Борисыча случилось только что. Ирка поливала ее желтой жидкостью из литровой банки.

– Ни хрена страшного, – сказала она.

– Это моча? – уважительно спросила я.

– Аура. Фурацилин.

– Может, «скорую» вызвать?

– Да у ней только кожа рассечена. – Ирка ковырялась в хозяйской башке и что-то там с интересом рассматривала.

– Чего она тогда ревет? – Я старалась не смотреть.

– А это ей обидно, что своей же бутылкой по чану схлопотала.

– Галька с-с-сука, – подтвердила хозяйка.

– Видишь? – кивнула Ирка.

А утром нас разбудил жуткий крик. Мы прискакали в ванную и увидели, как Аркадьевна, стоя в длинных трусах и лифчике перед зеркалом, смотрит на себя сквозь прижатые к лицу ладони.

– Ты чего ей столько намотала-то?

– А что, бинта жалко, что ли? – хихикнула Ирка. – Прикинь, она, оказывается, не помнит нифига. То есть, как с Галькой поссорилась, помнит, а что дальше было – вообще. Ну, я ей и сказала, что у нее сотрясение и что кровяшка хлестала до потолка, и что вообще она могла помереть, если б не я.

– Теперь она с тебя денег брать не будет за квартиру.

– Фиг там. Только что напомнила.

А потом у Ирки произошел день рождения. Были мы с ней и два мальчика – по штуке каждой. В момент, когда атмосфера в комнате стала романтической до предела, дверь отлетела к стене. В проеме качалась полуголая Аркадьевна. Она молча протянула руку и нашла на стене выключатель. Я зажмурилась.

– Танцуйте, суки, – великодушно разрешила она и павой вплыла на середину.

Аркадьевна, похоже, дожидалась своего звездного часа много лет.

Она замерла на долгие две секунды и вдруг, сорвавшись с места, кинулась отплясывать под самую тягучую из баллад «Скорпионз» какой-то сумасшедший гопак. Ее босые ноги хлопали по полу настолько далеко одна от другой, что даже не выглядели парой. Периодически она, повинаясь звучащему в ее дурной голове ритму, вскидывала то одно, то другое колено к подбородку, а потом так сильно забрасывала перебинтованную башку на спину, что я каждый раз инстинктивно уворачивалась – на случай, если башка оторвется. Ночная рубаша со штампом «МИНЗДРАВ СССР» кокетливо сползла к локтю Аркадьевны. Сама она крутилась юлой, так что печать то и дело мелькала у нас перед глазами.

Устала она быстро.

– Ох, утомили, – проговорила Аркадьевна и удалилась, перевернув-таки напоследок стол. В коридоре она опять обо что-то запнулась. Мы выскочили следом, но хозяйка уже храпела под вешалкой.

Первым заржал предназначенный Ирке мальчик Костя, с которым Ирка запланировала утратить задолбавшую ее девственность. Костя согнулся пополам и скулил, прикрыв ладонями лицо. Потом, как ни странно, раскололась Ирка. Мне почему-то было не очень смешно.

Когда я пришла домой вечером следующего дня, в моей комнате все было прибрано. Мрачная Ирка пила на кухне чай. Она даже попыталась со мной не разговаривать.

– Ну и как? – тактично спросила я.

Ирка хмыкнула, надолго замолчала, а потом сказала:

– Да никак. Представляешь, только это самое... ну, это самое, короче... так он ржать начинает.

Мне хотелось есть и спать. Я открыла холодильник. В нем лежал одинокий кочан капусты. Я сняла с него три или четыре шкуры, посолила, съела и пошла к себе в комнату.

Где-то через месяц Ирка улетела на каникулы к родителям в Магадан, Аркадьевна завела себе мужчину с коричневым лицом и отказала мне в жилье, опасаясь конкуренции. Еще пару месяцев я жила в подвале того же дома. Подвал мне временно предоставили знакомые колдуны. Пока они не накопили на мебель и хрустальное яйцо, подвал был в моем полном распоряжении. А потом на меня свалилось наследство в виде квартиры в Казахстане, я слетала туда на обмен и вернулась в город В., над которым, спустя много лет, и начала делать эти прощально-беспорядочные круги. Перед тем, как улететь уже навсегда.

В июле, когда мыши прекратили валить в магазин, а город В. стал мягким и неверным, как плавленый сырок, я поняла: так дело не пойдет. Если обращать внимание на погоду, то

руки, которые у меня стали постепенно обрастать перьями и делаться все более похожими на крылья, атрофируются. Летать надо каждый день, иначе мне никогда не улететь отсюда, поняла я. И горячий бриз, подхватывая, нес меня вдоль береговой полосы, а подо мной мелькали разбросанные люди в трусах и лифчиках. Нечаянно я сделала слишком крутой разворот и, заленившись возвращаться на прежнюю траекторию, полетела за город, но не очень далеко, на станцию «Седанка».

В пароходском отделе кадров сказали, что практически все будущие журналисты отработали уборщицами в пионерском лагере «Моряк», расположенном в живописном месте на берегу моря. На самом деле это полная лажа: лагерь стоял прямо возле федеральной трассы «город В. – город Х.», а до побережья надо было топать минут двадцать, мимо дома престарелых, гаражей, воинской части и частного сектора; упереться лбом в две девятиэтажки (однажды я видела, как из окна одной выпрыгнул человек, но, пролетев немного, упал на землю), повернуть налево, перейти железную дорогу напрямки или, коли есть такая охота, через виадук и только потом начинать расстегивать шорты или задира́ть платье. Кстати, мне всегда очень хотелось отыскать научное объяснение тому факту, что идущие на пляж люди раздеваются под прибрежными грибками, а люди, идущие с пляжа, одеваются лишь на автобусной остановке. Объяснения данному факту нет.

Несмотря на трассу, это был самый хороший август в городе В. Вакантных уборщицких мест в лагере не оказалось, но была свободной должность заведующей залом столовой. В мои обязанности входило распределять детям десерт. С тех пор я тысячи раз считала, делила, умножала и складывала разные цифры, но так и не смогла ответить на вопрос, каким образом можно поделить 500 персиков на 300 детей. Дети получали каждый по персику, двести оставшихся съедали Иванова, Журавлева, Павлова и я, а к концу смены оказалось, что моя фамилия есть в списках зачисленных на заочный журфак. «Джоник», чистилище, случился уже на втором курсе, но из того периода я помню только то, как на меня падали тараканы и как я нашла на причале прямо рядом с трапом 20 копеек.

Вскоре у меня действительно стал отрастать хвост. Если раньше я упоминала его, выражаясь исключительно метафорически, то с какого-то момента он стал замечен уже и моему невооруженному глазу. Если бы кто-нибудь в этом городе видел меня в полете, то и хвост бы не остался незамеченным.

Когда не могла летать, я рисовала или болела. В один из таких бесполетных и безболезненных дней я нечаянно вместо стакана с зеленым чаем отхлебнула из стакана, в котором мыла кисточки: вода там была зеленоватая, потому что мною был рисован первый в жизни печальный кот, лицом похожий на меня. Нарисовав кота, я поняла, что пора слетать в Поселок Городского Типа.

– Сукаблянахуй убью, – сказали за стеной.

– Я сам тебя убью. Убью и играть к тебе не приду, – слышалось в ответ.

Я решила подумать обо всем этом завтра и где-то через год посмотрела «Унесенных ветром». К тому времени у меня уже появится телевизор.

А на этот момент не было ничего, не считая квартиры на первом этаже поселка городского типа – час езды электричкой до города В. Я только что прилетела домой из Казахстана и пересчитала имущество: таз с засохшей традесканцией и кипа газет в углу прихожей. Помнится, долго не могла открыть входную дверь: какая-то тварь натолкала в замочную скважину спичек. На руках у меня сидели две привезенные с собой трехмесячные кошки, на плечах невыносимо болела голова с напрочь заложенными ушами, а за плечами болтались увольнение из пароходства, межреспубликанский обмен наследственной квартиры и рюкзак с колечком колбасы – мама положила перед самым самолетом.

– Сукаблянахуй убью, – сказали за стеной, и я поняла, что посадочный бардак с ушами кончился.

– Я сам тебя убью. Убью и играть к тебе не приду, – послышалось в ответ, и я поняла, что никогда не смогу сложить этот пазл самостоятельно.

Я расстелила на полу газеты, достала из рюкзака колбасу и разломилась на три части. Мы с кошками поели и легли спать под мою куртку. Кошки грели с боков, снизу было тепло от перестроечных «Известий». Через четыре месяца квартирный обмен с Казахстаном станет невозможен в принципе, но я уже успею обзавестись парой пружинных матрасов и шерстяным одеялом, вырученным за уют – утюгов у меня случится два.

Утром я выбросила традесканцию. Таз был нужен под кошачий туалет.

– Здравссьте. – На лестничной клетке стоял немного слишком яркий для утреннего видеоряда мужчина лет пятидесяти.

Его внешность можно было бы определить как семитскую, если бы не глаза, в которых было все, кроме тысячелетней печали. Руки он держал за спиной.

– Здравссьте, – сказала я.

– Я твой новый сосед, – сказал он. – Дядя Боря звать. В похоронном оркестре на трубе лабаю. Тум-тум-ту-тум.

– А почему новый? – спросила я, радуясь неожиданной победе над пазлом. – Вас раньше тут не было?

– Так тебя же ж не было, – удивился дядя Боря, – раньше тут.

Я открыла дверь шире и посторонилась. Дядя Боря вошел. В руках за спиной у него была мороженная кета килограмма на четыре. Он держал ее за хвост вниз башкой, как букет гладиолусов.

– Угощайся, – протянул он мне рыбу.

Рыба примерзала к пальцам, и я положила ее на пол.

– Так. У тебя нет стола, на чем резать? А на чем жарить – сковородка? А масло, масло ведь надо? Растительное?

– Еще муку, – сказала я, – и соль.

– Бери рыбу, пошли ко мне, – сказал дядя Боря. – У дяди Бори навалом всякого говна.

Через час я вернулась домой с блюдечком, на котором лежали рыбные обрезки для кошек. В желудке моем переваривался кусок жареной кеты.

Дядя Боря полюбил меня отеческой любовью. Второй раз мы встретились возле мусорного контейнера:

– Я так понял, ты на газетах спишь? – спросил он и принес мне вечером три жирные стопки «Труда».

Это дядя Боря научил меня гнать самогон. Кладешь в раковину с проточной водой змеевик от холодильника, ставишь на плиту кастрюлю с брагой и гонишь. У меня получался лучший самогон в подъезде. Реализацию взял на себя дядя Боря: у него был большой круг знакомых.

Ингредиенты для браги доставались мне почти бесплатно – сахар и дрожжи хранились в дядибориной квартире мешками. На вырученные за самогон деньги я покупала сигареты, кофе и билеты на электричку до города В. На еду почти никогда не хватало, и дядя Боря подкармливал меня блинами, конфетами и кутьей. Пока я ела, он рассказывал мне постжизненные подробности про своих клиентов. Я искренне думала, что кошмары в рабочие дядиборины дни снятся мне только потому, что я ложусь спать на сытый желудок.

Кроме дяди Бори, других источников пропитания у меня на тот период не наблюдалось. Работы же не было даже в перспективе.

– Там целый камаз лука выкинули возле гастрика, – сообщил как-то раз дядя Боря. – Говорят, в основном совсем не гнилой.

– А вы пойдете? – Я метнулась за мешком.

– Дядя Боря еще только по помойкам не лазал, – сказал дядя Боря, и впервые за время нашего знакомства я увидела в его глазах ответ той самой генетической грусти.

В луковой куче сурово и молча копалось человек пятьдесят моих однопосельчан городского типа. Лука действительно было много – выбирай, хоть завыбирайся. Я принесла домой три мешка в шесть ходок. Вторая, пустовавшая до сих пор комната моей квартиры превратилась в овощехранилище.

– Смердит, – констатировал дядя Боря, забирая у меня партию самогонки. – Сгниет.

– Может, возьмете немного?

– Ну, не больше мешка, – согласился он и вытащил из кармана куртки сложенный в тугую колбасу мешок.

Так мой и дядиборин похоронный рацион разнообразился жареным луком. Сковородку, хоть и без ручки, мне подарил собственно дядя Боря, а трехлитровую банку растительного масла привезла с парохода Ласточкина.

В хорошую погоду из окон моей квартиры было видно город В. – как раз в районе Второй Речки. В один погожий вечер Тихоокеанский флот напал на мирное население, взорвав свой арсенал. Над апокалиптически оранжевым горизонтом взлетали ракеты и, поиграв в догонялки меж безумно красивых огненных столбов, медленно падали туда, где жили мои друзья. Я почувствовала, что в такой эстетический для них час должна быть поблизости.

Микрорайон с друзьями был оцеплен милицией и пожарными. Уехать назад домой оказалось не на чем: в пригородных поездах разместили горожан, эвакуированных из зоны риска. Искать среди них знакомых было бесполезно; где-то к ночи я берегом моря дошла до других друзей, мы выпили водки, и настало утро. По радио сказали, что никто не погиб.

– Где ты шляешься? – спрашивал меня дядя Боря. – Оно мне надо?

Оказалось, друзья с маленьким ребенком Ирккой приехали вечером ко мне, ткнулись в запертую дверь, и их приютил дядя Боря, у которого среди «всякого говна» оказалось даже сырье для молочной каши. Он накормил Ирку манной, уложил всех спать на своем единственном диване и сел в кухне волноваться за меня.

Вскоре меня взяли на работу в толстый еженедельник, а у дяди Бори появилась женщина.

– Плохо человеку без бабы, – сообщил мне дядя Боря. – Мою вот Катя, блять, звать.

Рядом с дядей Борей Катяблять смотрелась как использованная промокашка. На ней были вязаная синяя безрукавка и всегда свежий фингал. Несмотря на это, она ревновала дядю Борю, была жадной до денег и плохо слышала. Выпивать с ней дядя Боря не любил.

– Мой был у тебя? – спрашивала Катяблять, всякий раз расценивая мое молчаливое недоумение как подпись под протоколом. – Ну-ну.

Этого «ну-ну» я боялась больше, чем дядибориных клиентов, над которыми он лабал свое «тум-тум-ту-тум». И в том, и в другом звуко сочетаниях мне стал мерещиться знак.

Я начала получать зарплату, но тут в магазинах кончилась еда. Дядя Боря где-то добывал совершенно феерическую снедь типа бройлерных цыплят, натурального кофе и полутуш свинины. Все это он пер сначала ко мне, где мы распиливали, разрезали, разламывали его добычу на две равные части, одну он сваливал обратно в мешок и шел домой, к Катяблять.

А потом я поменяла свою квартиру в пригороде на квартиру почти в центре города В., вышла замуж за Яхтсмена и уже больше никогда не видела дядю Борю. Однажды, правда, встретила своих обменщиков. Они рассказали мне, что Катяблять зарезала дядю Борю – 17 ран, – приревновав его к какой-то поселковой бабе.

Поселковую бабу она, правда, не смертельно пырнула: печень задела и желудок – в общем, успели спасти.

Когда я уйду летать, то всегда с удовольствием возвращаюсь. Тут, на самой оконечности мыса Эгершельд, очень тихо. Отсюда почти не видно города В. Только море – пролив Босфор Восточный и бухту Золотой Рог. Мой дом – как пароход.

Мой дом – как взлетная полоса. Он стоит на краю земли. Очень удобно.

Мне нравится тут все, даже соседи. Например, нижняя соседка всегда занимает по тридцать. Какая бы пьяная ни была, всегда помнит, сколько раз занимала, и отдает в пенсионный день полную сумму. Я специально смотрела в магазине, но так и не высмотрела, что ж там оценено в тридцатку. Сама она говорит каждый раз новое. «Лора. Вы меня извините. Такой случай. Надо срочно ехать к сыну в больницу». «Сколько?» – «Тридцать рублей, если можно». Или. «Лора. Вы не поверите. У меня украли все деньги». «Сколько?» – «Тридцать рублей, если можно».

Алкоголичку звать Верой. Напротив нее, как раз подо мной, живет Надежда, которая никогда со мной не здоровается. А на третьем, последнем этаже нашего десятиквартирного домика, прямо надо мной, обитает престарелая одинокая Любовь. Что ни лето, тетя Люба вытряхивает с балкона половички, а у меня вечно окна настежь, так что вся пыль ко мне.

Начался купальный сезон, и я, прилетая на пляж, стала переобуваться в ласты. Однажды мне практически удалось догнать морскую утку-нырка, хотя у нее была форас метров в двести к северу, откуда дул ветер и нагонял волну прямо мне в клюв. Когда до утки оставалось рукой подать, она вспомнила про крылья и стала убегать от меня по воздуху, где я потеряла к ней всякий интерес. В российском небе над Японским морем летали два истребителя, напоминая о пограничном состоянии местности. В Японском море под российским небом плавали дети, мужчины и люди, среди которых, обутая в ласты и никем не идентифицированная, охотилась за нырками я. Нырки! Пойдемте полетаем над городом? Нет ответа.

Полетаем. Вот здание «Дальпресса»: в нем издох Толстый Еженедельник, моя сбывшаяся любовь – так часто и случается с любовями в трагических кинах и книгах, а что может быть трагичнее полета над памятным местом, на которое хочется нагадить, но которое нечаянно целуешь?

Интеллигентный Ангел не знал, как избавиться от дуры, толкнувшей не ту дверь. Красная, вспотевшая от волнения дура – шутка ль дело, на небо влезть! – порола фигню и пугала безумием. На ее дурацкой башке сбилась песцовая ушанка, из-под которой в разные стороны торчали патлы.

Дура толкнула небесную дверь, споткнулась о порог и упала Ангелу на стол.

– Я рассказы принесла, – сказала дура, подымаясь и глядя в ангельскую переносицу, – по объявлению.

– Положите на стол, – опасливо сказал Ангел. Я б на его месте просто скинула дуру на землю.

Но Ангел был на своем месте, а на месте дуры была я. Это судьба. Торговец паяльниками забыл мою любовь на прилавке. Он замерз и смотал удочки – паяльники шли в тот день неважно. А Толстый Еженедельник остался лежать. Пока я его читала, у меня сперли бустилат.

Да, наш с Ангелом диалог длился минуты полторы. Потом меня попросили уйти, решив вернуться «часа через четыре». Четыре часа образовались из первоначальных двух недель – я сбила цену, у меня был опыт торговли. Я пришла ровно через сколько надо, опять же споткнувшись о порог и упав на стол. Так что на вопрос, как вы попали в журналистику, я всегда отвечаю: «Я туда вломилась». Вообще не люблю двери, открывающиеся внутрь.

Это был период моего коммерческого успеха. Я спекулировала на базаре обойным клеем и даже смогла позволить себе два пружинных матраса взамен «Известий» и «Труда».

Но из магазинов исчезла жратва, а промышленные товары общего пользования переместились на базар. Впрочем, там их тоже было мало. Я покупала бустилат в своем пригородном сельмаге, везла его на базар в город В. и сбывала с прибылью 200 %. Я была единственным покупателем бустилата в поселке и единственным его продавцом на рынке «Вторая Речка». Меня трижды хотели побить за монополизм и раз сто пятьдесят обозвали паршивой спекулянткой.

– Не нравится – мандячьте обои на клейстер, как у нас в деревне городского типа, – отвечала я, за что едва не была бита еще раз пять.

Жизнь моя становилась все сложнее, и я решила устроиться куда-нибудь журналисткой.

Вдобавок подруга Казимирова забыла в электричке копченую колбасу. Я не могла ей простить этого лет пятнадцать, но потом, конечно, простила. Именно из-за потерянной колбасы мне и пришло в голову, что человеку в виде одинокой девушки нужен постоянный заработок с возможностью карьерного роста.

Из всех четырех газет, выпускавшихся в городе В., мне понравилась только одна – Толстый Еженедельник. Он был толстый, еженедельный и интересный. Но, с моей точки зрения, там работали сплошь небожители. Я сразу же сделала предмет своего обожания недостижимым. «Лора, ты дура, – говорила Казимирова, – иди и едь в редакцию, может, и возьмут».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.